

minibo**OK**

ЧИНГИЗ АЙТМАТОВ

ДЖАМИЛЯ

Москва
2016

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А36

Оформление серии А. Старикова

В оформлении обложки использована
фотография сцены из фильма «Джамиля»
(Киноконцерн «Мосфильм», 1968 год): М. Курносков /
РИА Новости;

а также:

Tracing Tea, Novoselov / Shutterstock.com;
иллюстрация: Yayaoyo / Shutterstock.com
Используются по лицензии от Shutterstock.com

Айтматов, Чингиз Торекулович.

А36   Джамия / Чингиз Айтматов. — Москва : Изда-
тельство «Э», 2016. — 64 с. — (Minibook).

ISBN 978-5-699-92442-4

Удивительно поэтичное повествование Чингиза Айтматова о настоящей любви, ломающей стереотипы патриархальных устоев, напоминает, что человек свободен в выборе своей дальнейшей судьбы и только так может остаться верным самому себе и своему предназначению на земле.

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Айтматов Ч.Т., наследники, 2016

© Оформление.

ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-92442-4

*Сверстникам моим,
выросшим в шинелях отцов
и старших братьев*

Вот опять стою я перед этой небольшой картиной в простенькой рамке. Завтра с утра мне надо ехать в аил, и я смотрю на картину долго и пристально, словно она может дать мне доброе напутствие.

Эту картину я еще никогда не выставлял на выставках. Больше того, когда приезжают ко мне из аила родственники, я стараюсь запрятать ее подальше. В ней нет ничего стыдного, но это далеко не образец искусства. Она проста, как проста земля, изображенная на ней.

В глубине картины — край осеннего поблекшего неба. Ветер гонит над далекой горной грядой быстрые пегие тучки. На первом плане — красно-бурая полынная степь. И дорога черная, еще не просохшая после недавних дождей. Теснятся у обочины сухие, обломанные кусты чия. Вдоль размытой колеи тянутся следы двух путников. Чем дальше, тем слабее проступают они на дороге, а сами путники, кажется, сделают еще шаг — и уйдут за рамку. Один из них... Впрочем, я забегаю немного вперед.

Это было в пору моей ранней юности. Шел третий год войны. На далеких фронтах, где-то под Курском и Орлом, бились наши отцы и братья, а мы, тогда еще подростки лет по пятнадцати, работали в колхозе. Тяжелый повседневный крестьянский труд лег на наши неокрепшие плечи. Особенно жарко приходилось нам в дни жатвы. По целым неделям не бывали мы дома и дни и ночи пропадали в поле, на току или в пути на станцию, куда свозили зерно.

В один из таких знойных дней, когда серпы, казалось, раскалились от жатвы, я, возвращаясь на порожней бричке со станции, решил завернуть домой.

Возле самого брода, на пригорке, где кончается улица, стоят два двора, обнесенные добротным саманным дувалом. Вокруг усадьбы возвышаются тополя. Это наши дома. С давних пор живут по соседству две наши семьи. Я сам — из Большого дома. У меня два брата, оба они старше меня, оба холостые, оба ушли на фронт, и давно уже нет от них никаких вестей.

Отец мой, старый плотник, с рассветом совершал намаз и уходил на общий двор, в плотницкую. Возвращался он уже поздним вечером.

Дома оставались мать и сестренка.

В соседнем дворе, или, как называют его в аиле, в Малом доме, живут наши близкие родственники. Не то наши прадеды, не то наши прапрадеды были родными братьями, но я называю их близкими потому, что жили мы одной семьей. Так повелось у нас еще со времен кочевья, когда деды наши вместе разбивали стойбища, вместе гуртовали скот. Эту традицию сохранили и мы. Когда в аил пришла коллективизация, отцы наши построились по соседству. Да и не только мы, а вся Аральская улица, протянувшаяся вдоль аила в междуречье, — наши одноплеменники, все мы из одного рода.

Вскоре после коллективизации умер хозяин Малого дома. Жена его осталась с двумя малолетними сыновьями. По старому обычаю родового адата, которого тогда еще придерживались в аиле, нельзя выпускать на сторону вдову с сыновьями, и наши одноплеменники женили на ней моего отца. К этому его обязывал долг перед духами предков: ведь он доводился покойному самым близким родственником.